



Комплекс Супермена

социально-психологическая
фантастика

Мансуров Андрей

Андрей Мансуров
Комплекс Супермена

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Мансуров А. А.

Комплекс Супермена / А. А. Мансуров — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Двадцать седьмой век от Рождества Христова. Задыхающимся от перенаселения восьмистам миллиардам людей срочно нужны новые планеты-колонии для расселения. Внезапно на одной из совсем молодых колоний вспыхивает странная эпидемия. Но когда на место прибывает специализированная Комиссия, выясняется, что дела обстоят даже хуже, чем казалось...

© Мансуров А. А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Едва отец возник в проёме двери огромным чёрным силуэтом, Билли сразу понял, что что-то не так. Потому что Питер МакКейни не пробасил как обычно: «Привет первопоселенцам!», и не подбросил всегда кидавшегося к нему после этого с визгом «Ур-ра!» Билли в воздух аж до самого потолка. Вместо этого отец странно охрипшим и словно деревянным голосом сказал, остановив сына на полпути к себе жестом руки:

– Мать! Дай-ка мне, да побыстрей, первую универсальную. Кажется, я таки-подцепил какую-то зар-разу! Чувствую слабость, и... Озноб. Меня морозит. По-моему, температура уже под сорок.

Мать не стала даже смотреть на отца так, как всегда делала, когда он возвращался с поля – одного, первого, взгляда издали ей, похоже, вполне хватило, чтобы понять, что с мужем что-то и правда не так. Она тут же метнулась в спальню, сразу вернувшись с белой коробкой экстренного меднабора. Огромный красный крест на её боку уже не казался Билли смешным фантиком. Нет: он кричал, звенел, выл в мозгу, словно тысяча беззвучных сирен, что всё плохо!

И отцу угрожает жуткая опасность!

Коробку мать даже не передала в руки. Не приближаясь к отцу она поставила её на пол, и толкнула движением ступни. Отец, нагнувшись, коробку затормозил обеими руками. Отщёлкнул клапаны, сорвал печать. Вынул красную ампулу с одноразовой иглой.

Первую универсальную ввёл себе, закатав рукав повыше, и уже сидя на табурете, который мать подвинула ему – тоже по полу. Похоже, что вколоть тонкую иглу в тело отцу было всё равно больно: он прикрыл глаза, и закусил губы изнутри. Но когда Билл захотел подойти, отец приказал ближе чем на три шага не приближаться – «Мало ли! Вдруг эта штука передаётся через воздух!»

Мать, сняв с другой полки коробку с набором первой помощи, сунула Биллу в рот зелёную капсулу с универсальной иммунитетной:

– Ну-ка, быстро разжуй, и запей. Вон – хоть холодным чаем!

После чего закрыла нос и рот Билли унимаской, тоже вынутой из коробки. Одеда маску и себе, и быстро вышла снова в спальню, зажав в руке упаковку с одноразовым шприцем.

Билл услышал, как завопила маленькая Ники: малышам капсулу иммунитетной вакцины в рот не дают, чтоб сразу эту горечь не выплюнули, а вместо этого делают укол в... Ну, то место, которым обычно сидят на табурете. Себе мать капсулу засунула уже после того, как вернулась в кухню.

МакКейни старший, который сидел на табурете как-то совсем уж низко наклонившись вперёд, словно сверху его прижимал какой-то тяжкий груз, всё это время продолжал кусать губы, чуть раскачиваться, и тяжело дышать – словно опять таскал мешки с удобрениями. И сильно потел: крупные капли пота так и текли с его лба, капая на половицы из пластидуба, а отец даже не пробовал вытирать их платком, а только хмурил лоб, и словно в раздумье качал головой, всё время щупая себе пульс, и закрывая иногда глаза. Лицо отца, как понял, приглядевшись, Билли, стало не просто загорелым, а каким-то кирпично-красным. Неужели какая-нибудь тропическая лихорадка?! Но ведь они – не в тропиках!

Когда мать снова вернулась из спальни, откуда продолжали доноситься возмущённые крики восьмимесячной малышки, отец сказал:

– Выйду-ка я от греха подальше. И подожду в сарае, на лавке. А ты позвони в Администрацию. Пусть пришлют врача. Мне... Не полегчало.

Мать только кивнула – понимала, что отец прав, и ему действительно лучше подождать там, снаружи дома, чтоб неизвестная зараза, которая, похоже, не на шутку подкосила двухсотфунтовое мускулистое тело, хотя бы не распространялась в доме.

Коробочка коммуникатора впервые показалась Билли такой крошечной и несерьёзной: разве можно действительно ожидать реальной помощи от сорока грамм пластика и кремния? Но вот она зашипела в руке матери и ожила, сказав чужим усталым голосом:

– Центральная диспетчерская, дежурный оператор Прикотко. Слушаю вас.

– Здравствуйте, оператор Прикотко. Это Анна МакКейни, сектор Дэ сорок три. Только что мой муж вернулся с работы, пожаловался на слабость и лихорадку. Мы ввели первую универсальную, но это не помогло. Он сильно потеет, лицо покраснело, и он ощущает озноб, и жар. Сейчас он ушёл в сарай, чтобы не заразить нас, семью. Он... – мать запнулась, и Билли увидел, как она тоже кусает губы, – Когда доктор сможет прилететь?

– Минуту, миссис МакКейни. Оставайтесь на связи, я запрошу ангар и доктора.

Стало слышно, как в операторской защёлкали какие-то тумблеры, зазвучали голоса и механические шумы, прорезалось гнусное пипиканье зуммера. Ещё донесся прерывистый сигнал срочного вызова, и раздался даже вой гудка общей тревоги. Затем к микрофону подошёл явно кто-то из начальства, потому что голоса замолкли, как отрезанные бритвой:

– Миссис МакКейни, на связи первый заместитель начальника колонии, капитан Дэвид Шторль. Пожалуйста, опишите как можно точнее симптомы и обстоятельства, при которых вашему мужу... То есть тот момент, когда, где, и как именно он заразился.

– Как именно он заразился, он не говорил. И когда – тоже не знаю. А насчёт – где... Думаю, он, как и собирался с утра, делал прополку наших полей. На тракторе с культиватором. Поля у нас засеяны картофелем. Однолетним хлопчатником. И кукурузой. Возможно, он сам сможет рассказать об этом лучше. Но выглядел он, когда вернулся...

Слушая, как мать подробно и вполне чётко, но так же, как отец хмурясь, и чуть раскачиваясь, описывает, как выглядел глава их семьи, и как она действовала, Билли сжимал кулачки и стучал костяшками пальцев по деревянным ножкам табурета – примета, чтоб всё было хорошо!

Но в то, что всё будет хорошо, верилось с трудом. Уж слишком старался отец выглядеть обычным, чтоб не пугать их, свою семью. Но Билли-то чуял, что отец ходит и говорит из последних сил. Только сейчас он, шестилетний мальчуган, снова осознал, как фактически слабы и беззащитны они, чужаки, перед природой этой планеты.

Здесь, на Чегастере-пять, земные колонисты высадились всего полгода назад, и даже ещё не успели вырастить первого урожая. А ведь казалось, что за предыдущие пять лет, пока планету, предназначенную в-основном именно под такие, как было у отца до подписания Конtrakта, фермерские хозяйства, изучили достаточно хорошо. Подразделение первичного освоения провело все исследования, взяло все нужные пробы. Марсианские учёные разработали все соответствующие лекарства, сыворотки, и вакцины от местных микробов и всего такого прочего. Плюс бонус – усиление общего иммунитета всех колонистов соответствующими медикаментами и процедурами. Всё как всегда. Методика, проверенная на двадцати восьми других планетах-колониях... Предусмотрено, вроде всё!

И вот теперь, спустя всего полгода, выясняется, что предусмотрено-таки – не всё.

И осознавать, что именно его отцу выпало стать этому кошмару подтверждением – просто ужасно! Потому что уж слишком больным, расстроенным, и непривычно слабым выглядел отец! Холодная волосатая лапа паники цепко сжимала крохотное сердечко Билли-боя, как звал его отец, и никак не желала отпустить.

Отец...

Билли вдруг словно вынырнул на поверхность, обнаружив, что мать пятый раз говорит «Да, поняла!», и разговор заканчивается:

– ... ни в коем случае к нему в сарай не заходите. Доктор Зигманн уже вылетел, миссис МакКейни. Прибудет к вам, вероятно не позже, чем через десять минут. Пожалуйста, ждите его, оставаясь с детьми в доме. Не подходите к... э-э... сараю.

– Да, поняла вас, капитан. Ждём! Ждём.

В динамике запикал сигнал отбоя, мать положила коробочку назад на полку над столом. Обернулась к Билли:

– Билли. Тебе придётся ужинать одному. Я... Схожу в коровник и свинарник. Покормлю животных. Оставайся здесь, если будут звонить – отвечай. И следи за сестрой.

Билли кивнул, изо всех сил сдерживаясь, чтоб не заорать благим матом, и не кинуться к матери, и не зарыдать, обхватив её колени маленькими ручками. Но он понимал: они – колонисты. И знали, что рискуют. Как и все остальные, кто прибыл с ними на «Звезде Кораллии» – все триста восемьдесят три человека. Взрослые и дети.

Колонисты и администрация.

Только не думал он, что что-то «этакое» вот именно – случится. И – именно с ними!

Мать, вернувшаяся из спальни, и успевшая каким-то чудом успокоить плачущую сестрёнку, поставила на стол тарелку с кашей, от которой шёл пар:

– Билл! Поешь быстрее. Мало ли...

Мать не договорила, но Билл понял: возможно, это – ещё не конец их бед.

Когда мать открыла дверь, в окружавшей дом темноте снаружи раздались завывания волко-гиен, и заухал филин-дьявол. Но в этом не было ничего необычного: аборигены, как называла их мать, всегда так реагировали на полосу яркого света, падавшую во двор из двери дома. Темнота снаружи, однако, уже не казалась Билли привычной: то ли от этих заунывно-тревожных звуков, то ли от понимания, что мать тоже напугана, его буквально колотило от окружавшего дом, и теперь притаившегося за открытой дверью мрака, не рассеиваемого, как там, дома, на Валенсии-два, ночными фонариками – голубым и зелёным спутниками Порги и Бесс...

Мать вышла, захватив два ведра с комбисмесью. Дверь закрылась.

Билли сел на табурет, чувствуя, как наполняются слезами глазницы.

Нет, он не должен плакать! Колонист, если он настоящий мужчина, должен не плакать, а делать то, что положено! Так всегда говорил ему отец.

Ах, отец...

Как он там?!..

Из геликоптера доктор Теренс Зигманн выбрался только после того, как лопасти винта перестали поднимать вокруг тучи пыли. Придерживая дверцу, обернулся к пилоту:

– Думаю, Фрэнк, тебе лучше пока побыть здесь. Если нужно будет перенести пострадавшего в грузовой, я воспользуюсь дроном. И маску, пожалуйста, не снимай.

Пилот, Фрэнк Нельсен, только кивнул, моргнув глазами, остававшимися в узкой прорези между шлемом и раструбом индивидуального дыхательного прибора: уж о чём-чём, а в необходимости соблюдения мер повышенной безопасности в случае внезапных неизвестных болезней, он не сомневался: первую универсальную доктор вколол себе и ему ещё до вылета.

Доктор тоже кивнул, и двинулся по лугу к сараю, не более чем в пятидесяти шагах от которого опустилась машина.

Свет налобного фонаря высветил дверь – толстые доски, мощная щеколда. Всё правильно: защита от волко-гиен должна быть надёжной. Иначе ни завезённых птиц, ни животных, ни припасов не останется. Сейчас щеколда была отперта, и доктора кольнуло секундное опасение: не заперся ли больной изнутри?! Такое бывает, особенно в полуобморочном состоянии при повышенной температуре: автоматика рефлексов, так сказать.

Но дверь оказалась не заперта, и Зигманн, войдя, закрыл её за собой.

Фермер Питер МакКейси свет в сарае зажёт: правда, тусклая экономная галогенная лампочка давала не свет, а, скорее, просто чуть рассеивала сумрак. Пришлось прибавить яркости своей налобной лампы, чтоб хотя бы сориентироваться.

Левую половину сарая, громоздясь до самого потолка, занимало скошенное весной и летом, и высушенное сено, сейчас подпёртое лёгкими пластиковыми щитами – чтоб не рассыпалось. Другую половину занимали многоярусные стеллажи, расположенные почти как в старинных библиотеках – поперёк. На них гроизодились, упакованные в промасленную бумагу и коробки, запасные детали от плуга, бороны, косилки, трактора и прочих механизмов. Посередине оставался довольно узкий проход.

Сам Питер МакКейси лежал в его конце, у торцевой стены. Лежал ничком, возле широкой длинной лавки, которую вероятно заносили в дом и использовали, когда приглашали гостей, и с которой он сейчас просто скатился. Похоже, потеряв сознание.

Доктор поправил загубник индивидуального дыхательного, и кинул взгляд вниз: с перчатками всё в порядке. Только после этого Зигманн подошёл к неподвижному телу, и не без усилий перевернул немаленького крепкого и сильного на вид мужчину на спину.

Так, дыхание имеется. Пусть прерывистое и частое, что вполне обычно при лихорадке, но несомненно – не затруднённое мокротой, или отёком гортани или слизистых: больной дышит в том числе и через нос. А вот то, что он насквозь пропотел – рубаху, как и удобные армейские брюки цвета хаки хоть выжимай! – и капли пота до сих пор текут и со лба, и по шее и груди – плохо. Да и жар... Доктор даже до того, как датчик на его запястье показал температуру, видел, что она не меньше сорока.

Не подействовала, стало быть, первая универсальная. Которую, конечно, тяжело переносить. Но которая спасала жизни колонистов практически во всех схожих случаях: при неизвестных ксеноболезнях на остальных двадцати восьми Колониях.

Зигманн придвинул к себе ящик, который, пронеся по сараю, сразу опустил на пол у изголовья больного. Покрутил плечом: нести его было тяжело. Всё-таки – двадцать пять кило! Распаковать оборудование и облепить тело больного присосками датчиков нетрудно. Дело привычное, и позволяет хоть как-то взять себя снова в руки. Это просто необычный, ярко-кирпичный, словно от ожога, цвет лица пострадавшего несколько выбил достаточно опытного сорокадвухлетнего ветерана космоса из привычной колеи.

Так. Ну, посмотрим, что тут у нас.

Температура сорок и шесть десятых. Пульс – восемьдесят семь. Давление: сто сорок четыре на сто два. Хм-м... Лихорадка, конечно, на лицо. Но...

Гемоглобин в норме. Сахара нет. Белки чуть понижены. Липиды – почти в норме.

Получается, без досконального исследования крови, и определения, кто это такой наглый, или живучий, смог преодолеть все барьеры, которые земная медицина поставила на пути инопланетных агрессивно-злых микротварей, и поработал над бедолагой фермером, никак не выяснить. Значит, вперёд.

Для начала – вколоть жаропонижающее и обезбаливающее. Затем – подключить кардиостимулятор, на случай сбоев в работе перегруженного сердца. И трубку кислородного прибора в рот. Подвесить на крюк в стене и подключить к вене припасённый пакет с донорской кровью – в хранилище Центрального блока есть резерв для всех колонистов, с любой группой крови, и доктор на всякий случай захватил пакеты и для жены фермера, и для обоих детей. Хотя лучше всё же, чтоб до этого не... Вот именно.

На портативном монитре возникли кривые. Порядок. Теперь состояние больного более-менее стабилизировано, если верить показаниям приборов. Не нравились Зигманну только частое дыхание, и температура. Она медленно, но упорно продолжала лезть вверх.

Доктор достал и расчехлил полевой электронный. Стерильной иглой ткнул фермеру в палец – затем автоматически приложил туда одноразовый пластырь с унимазью от ран. (Вот уж что сейчас неактуально – так это опасение, что больной подцепит заражение крови...) Приготовить препарат для работы нетрудно. Однако требует аккуратности и методичности. Хорошо, что налобный фонарь даёт отличный ровный свет.

Спустя три минуты препарат оказался в приёмнике прибора. Зрелище, появившееся в объективе микроскопа доктора поразило. Настолько, что он даже пощурился, и, проморгавшись, снова глянул вниз. Рука сама потянулась к переговорному устройству:

– Внимание, диспетчер! Здесь доктор Зигманн. Дайте первого заместителя, капитана Шторля. Что? Сам начальник? Отлично. Отлично.

Выслушал отчёт Зигмана начальник колонии Чегастер-пять, майор Элмер Даффи, внешне спокойно. Но кто бы знал, чего ему стоило сохранять непроницаемое выражение на лице!

Ещё бы: услышать, что вся колония под угрозой полного вымирания в течении не более, чем суток – информация не того плана, чтоб остаться равнодушным!

Но майора назначили на этот пост неспроста. Незаурядным и находчивым организатором он проявил себя ещё на Лестере-семь, в чине капитана. Поэтому, как только майор нажал клавишу окончания связи, план уже был готов.

Собственно, он был готов ещё до того, как триста земных колонистов и подразделение технического и административного обеспечения из первой волны освоения вылетели с Земли. План реагирования на угрозу тотальной эпидемии разработан Штабом объединённых Флотов Союза ещё сто сорок пять лет назад, после освоения первых пяти планет-колоний.

Но майор Даффи никогда не предполагал, что именно ему придётся проверить не на учениях, а в реальных боевых условиях, насколько действенны меры, предложенные лучшими медиками и аналитиками Союза.

Щёлкнув селектором экстренной связи Административного блока, майор объявил:

– Внимание, руководителям всех подразделений. И всем сотрудникам Администрации. Объявляю красный код. Повторяю: код – красный! У нас угроза бактериального заражения. Это – не учебная тревога. Немедленно занять места согласно штатному расписанию, и начать предусмотренные Планом номер один мероприятия!

После чего майор, стараясь максимально точно воспроизводить утверждённые Инструкцией рекомендации, начал отдавать и конкретные распоряжения.

Впрочем, он отлично знал, что его напоминания о том, кому что делать, совершенно излишни. Подчинённые и сами прекрасно знают, что им надлежит делать при Красном коде и Плане номер один. И приложат максимум усилий.

Чтоб спасти тех, кого ещё можно спасти.

Да и самим остаться в живых.

Доктор Зигманн убрал реанимационное оборудование в кейс-ящик. По привычке, впрочем, отлично понимая, что ничего из этого им уже не понадобится и не поможет, аккуратно уложил туда же и остальные приборы.

Чётко, как никто другой, он понимал, что зло свершилось. И ничего его предупреждение уже не изменит – все люди, что находятся сейчас на поверхности планеты, умрут за сутки-другие. И не спасут их никакие из имеющихся лекарств, или вакцин.

Поэтому он, повторно убедившись, что пульс у Питера МакКейси больше не прощупывается, и тело безвольной и беспомощной грудой словно расплылось по земле, а зрачок расширился во всю радужку, снова достал коммуникатор:

– Диспетчер. Это снова доктор Зигманн. Думаю, я должен, как наиболее компетентный в колонии медицинский специалист, сделать заявление. А вы должны будете, согласовав детали с майором Даффи, передать его в эфир. Причём – как можно быстрее.

– Да, сэр. Я понял. Включаю резервный магнитофон. Говорите.

– Сегодня, двадцать восьмого июня две тысячи шестьсот... года по земному летоисчислению, я, главный врач колонии на Чегастере-пять, Теренс Зигманн, столкнулся с неизвест-

ными земной медицине патогенными организмами... Вирусной природы. Выглядят они при увеличении восемьсот тысяч раз, как... Да, как морские ежи, – доктор говорил, но рука уже потянулась вытереть лоб: пот буквально заливал лицо, заставляя щуриться и моргать, потому что едкие холодные капли всё время норовили затечь в глаза, – И ни один из разработанных нашими специалистами антибиотиков, блокаторов, и медиаторов не действует на них летально. Более того: ничто из нашего арсенала их... э-э... саморепликацию даже не тормозит!

Сам же вирус новой болезни «работает» чрезвычайно эффективно, собственно, как и положено вирусу: вызывая превращение поражённой им клетки в быстродействующую фабрику по продуцированию сотен и тысяч новых вирусов буквально в считанные минуты: не более пятнадцати – двадцати. Происходящее после этого абсолютно летально для клетки, в которую попал даже единственный вирус. Она полностью разрушается, выпуская репродуцированное поколение вируса в организм.

Новорождённые вирусы разносятся потоком крови абсолютно беспрепятственно по всему организму. Сопротивляемости, повторяю, не наблюдается. Организм взрослого человека, в частности, заражённого Питера МакКейси, возле которого я сейчас нахожусь, теряет способность к функционированию, тьфу ты! – доктор стащил бесполезную маску, и сплюнул в угол сталактитово-вязкую слюну, – Я что-то стал выражаться как настоящий бюрократ. Наверное, от температуры. Так вот: человек умирает за считанные часы. Вероятно, не более, чем за пять-шесть с момента заражения.

Теперь главное: само заражение, вероятней всего, осуществляется воздушно-капельным путём. Вирусы наверняка способны перемещаться с потоками ветра. Причём могут поражать организм не обязательно только через органы дыхания. Достаточно одному такому вирусу просто попасть на любой открытый участок кожи. Ни одежда, ни наши спецкомбинезоны не дают гарантированной защиты, так же как и любые маски: вирусы очень малы, и легко проходят сквозь фильтры индивидуальных дыхательных приборов, и тем более – слои марли масок. Так что единственным достаточно надёжным способом обезопасить человеческий организм от этого супер-вируса, является нахождение этого человеческого организма в герметичном скафандре.

Доктору пришлось сделать паузу, чтоб отдышаться – слабость и повышение температуры заставляли сознание мутиться и призывали плюнуть не только в угол, но и на всё это вообще! И просто прилечь рядом с могучим телом фермера, и расслабиться, уснув.

Но – нельзя даже думать о таком! Его вердикта и, вероятно, помощи, ждут жена и дети фермера! Нужно ввести хотя бы обезболивающее. Потому что уже дико ломит суставы, и поясницу – как при застарелом радикулите!..

А, да. Вначале нужно же ввести и себе. Этого самого обезболивающего.

Доктор распечатал упаковку с одноразовым шприцом, продолжая думать.

Возможно, основную часть колонистов всё же удастся спасти? Если только...

Ветра здесь – достаточно постоянные. И если заражение – диверсия, наверняка его осуществили так, чтоб ветер разнёс заразу по всей заселённой людьми территории. А территория-то... До смешного мала: каких-то жалких три тысячи квадратных километров! И, разумеется, как и на предыдущих колониях, вначале все фермы и жилища располагаются недалеко, как бы окружая по периметру здание Администрации. Ну правильно: рассчитывают же на помощь в экстренных, таких как этот, случаях! Да и продукцию животноводства, на которой здесь специализируются тридцать восемь семей из восьмидесяти трёх, свозить в хранилища-холодильники ближе.

– Первые симптомы начинают проявляться... – доктор посмотрел на свои руки, кожа которых уже приобрела светлый красно-кирпичный цвет, – через двадцать-тридцать минут после попадания вируса в организм. Искусственное поддержание жизни пациента возможно... Но – на очень непродолжительное время. Думаю, после впадения в кому, которую я наблюдал,

прибыв, у пациента, не более часа – даже в стационарных условиях госпиталя. И даже с полной заменой всей крови.

Поражённые внутренние органы больного продуцируют вирусы до своего полного уничтожения. Смерть наступает, вероятно, в результате разрушения костного и головного мозга. Большой Питер МакКейси умер у меня на руках пять минут назад. Я сам – тоже заражён. Несомненно, так же заражены и жена и дети МакКейси. Сейчас пойду, сделаю им и пилоту коптера укол обезболивающего и жаропонижающего. Чтоб хотя бы не мучились так, как первый поражённый.

Я не полечу назад – не хочу ускорять распространение заразы. Пилота тоже оставляю здесь, потому что он тоже наверняка заражён: мы дышали здешним воздухом не из кислородных приборов, а через обычные нейтрализующие фильтры. Индивидуальные противогазы. А они, повторяю, неэффективны.

В том, что из-за ветра, дующего здесь практически всегда на северо-запад, и здание Администрации и большая часть остальных ферм уже заражена, у меня лично сомнений нет. Источником заражения могло явиться... Затрудняюсь предположить. Но учитывая данные предварительных разведок, могу точно сказать одно: эти вирусы – не местного происхождения. Следовательно они тем или иным способом доставлены сюда, на поверхность. И, вероятней всего, это – атака. Диверсия. Со стороны врагов, отлично спланировавших эту акцию. И отлично освоивших бактериологические средства нападения. Уж слишком специфично действие вируса: только на организм человека. Думаю, местные формы жизни, в частности гиенольвы, филин-дьявол, крысо-мыши, насекомые, и все остальные, останутся не поражёнными. И здоровыми.

Мои рекомендации: всем людям, кто ещё не поражён, влезть в имеющиеся в здании административного блока скафандры. А те, кому их не хватит, должны будут изолировать своё тело от воздуха... Хотя бы резиновыми костюмами. Дышать – только из баллонов с кислородом. Потому что фильтры моего индивидуального прибора, повторяю, оказались неэффективны. – доктор понял, что повторяет сказанное уж слишком часто, и прикусил губу, – Вирусы я нашёл и в его выходной трубке. – отлично осознавая, что начинает заговариваться от жара, доктор снова покачал головой. Но закончил мысль:

– Высылаю снятое через сканнер изображение с экрана микроскопа. У меня всё. Завещание как всегда – в центральном архиве Колониальной администрации.

Думаю, мне самому осталось не больше пары часов. Из них последний час, вероятней всего, я проведу без сознания, тоже, как и Мак Кейси. В состоянии комы.

Прощайте.

Простите, что будучи медиком, не могу никому помочь.

Прослушивание оригинала записи последнего сообщения доктора Зигманна немного прибавило к тому, что уже знал Председатель Комиссии по расследованию, командир авианосца «Дуайт Эйзенхауэр», генерал Джордж Корунис. Потому что он уже ознакомился с этой записью, изложенной в письменном варианте.

Но он считал, что теперь хотя бы примерно представляет силу воли и степень мужества этого человека. До конца оставшегося на посту. Сожалевшего лишь об одном: что никому и ничем не может помочь. И прекрасно понимавшего, что обречён. Как и вся колония. И единственное, что они теперь могут сделать – постараться максимально облегчить тем, кто прилетит разбираться, работу по реконструкции произошедшего. И рассказать о том, что и как случилось. Оставить как бы документальную памятку о том, как именно их колонию уничтожили. Чтоб избежать новых жертв. И ненужного риска.

Предупреждён – значит, вооружён.

Разумеется, у Комиссии, состоявшей в-основном из руководства Флота, чиновников Колониальной Администрации, и компетентных медиков, имелись и другие материалы. С которыми большинство членов Комиссии смогли ознакомиться ещё до вылета на Чегастер-пять «Дуайта Эзенхауэра», ударного авианосца эскадры западного сектора.

Записи переговоров центральной диспетчерской с остальными, поражёнными и погибшими буквально в считанные часы, фермерами, выдал в эфир через направленную на Валенсию-два, ближайшую земную колонию, непосредственно перед своей смертью, последний живой человек на Чегастере-пять, капитан Шторль. А все попытки людей в самом здании Администрации спастись, действительно пробуя и скафандры, и резиновые комбинезоны, с дыханием от баллонов с кислородом, оказались, мягко говоря, неэффективны.

Но сам Корунис считал, что все эти материалы чертовски мало добавляют к тому, что стало понятно в первые же минуты после заражения. Из самого первого разговора жены Питера Мак Кейси с диспетчером, из заявления доктора Зигманна, и из фотографий, пересланных доктором. Снятых сканнером его мобильного телефона, и его налобной видеокамерой, подключённой напрямую к выходу портативного электронного микроскопа.

Твари, попавшие теперь, пусть пока и заочно, на исследование к самым лучшим вирусологам и эпидемиологам Союза, даже при взгляде на них в не то – пятидесятый, не то – сотый раз, вызывали невольный трепет.

Фанатичного восторга от их эффективности и защищённости от любых средств борьбы – у специалистов медицинской части Комиссии. И злобной ненависти от ощущения своего бессилия – у флотского руководства: потому что сразу сам-собой напрашивался единственно возможный вывод. Что столь «эффективно» действующих тварей кто-то, явно враждебно настроенный к землянам, тщательно вывел. Создал искусственно.

И – именно против них. Людей.

Поскольку однозначно выяснился непреложный факт: этим «кем-то» оказалась учтена специфика *всех* стандартных профилактически-лечебных мер, имевшихся в распоряжении руководства администрации колонии Чегастер-пять, и новейших разработок центрального госпиталя Союза, обеспечившего колонистов самым современным арсеналом универсальных антибактериальных и противовирусных средств.

И эти меры и сами средства оказались недейственны именно в силу того, что заложенные в новый супер-вирус возможности для их преодоления или нейтрализации были вот именно – целенаправленно разработаны.

И абсолютно однозначно, что такого не смогла бы сотворить ни одна, «природная» или «естественная», мутация.

Осталось только выяснить – кто же это возле Чегастера такой злобный и враждебно настроенный, что явно хочет отобрать планету у людей. Потому что иначе как явной агрессией, фактически означающей начало военных действий, столь вопиющий акт назвать нельзя.

Ну и, разумеется, нужно найти способ справляться с новой заразой. Чтоб не растащить её по космосу, к местам обитания людей.

Генерал не обольщался: знал, что миссия будет трудна. Потому что аналитики Штаба заявили, что кем бы ни был тот, кто разработал супер-вирус, его научная база и превосходство в методах и технике неоспоримо. Вероятней всего и общий научно-технический уровень опережает земной на несколько веков. Если не тысячелетий. И производственный потенциал наверняка выше на порядки. Так что особых успехов и «научных прорывов» от Комиссии под руководством генерала не ждут. Нужно просто уточнить факты, определить меры безопасности, и оценить ущерб от последствий.

Но не сидеть же им действительно не авианосце, сложа руки, и не попытавшись даже хоть какими-то способами и средствами обезопасить остальное человечество, расселившееся

уже на почти три десятка Колоний, и насчитывающее к этому моменту восемьсот сорок миллиардов!

Так что вопреки мнению начальства, считавшего спуск снова на поверхность планеты излишне рискованным, и предлагавшего все исследования вести с орбиты, Корунис не сомневался: с орбиты ни .. рена они не выяснят. Спускаться придётся.

Разумеется, в скафандрах.

И с камерами спецдезинфекции.

Михаил Синельников к своей миссии относился серьёзно.

Собственно, он к любой миссии относился серьёзно. Именно поэтому и получил должность командира спасательно-штурмовой роты номер один. Правда вот, спасать уже никого не надо. Как и штурмовать. Колония на Чегастере-пять вычищена, если можно так цинично сказать про это варварство, подчистую. Примерно так же, как люди травят, укрыв под герметичной пластиковой палаткой, гнездо шершней, разоряющих ульи одомашненных породистых пчёл. Или – термитов, поселившихся в каком-нибудь старинном деревянном доме, чудом сохранившемся со времён первопоселенцев на какой-нибудь из первых колоний.

И сейчас, сидя в автоматическом спускаемом модуле, дистанционно управляемом пилотами с авианосца, капитан, полуприкрыв глаза, рассматривал свою команду.

Собственно, он их всех отлично знал. Потому что когда генерал предложил выбрать для опасной миссии только добровольцев, Синельников не удивился, что весь первый взвод их роты выразил желание рискнуть. А заодно и получить немаленькое вознаграждение за рискованную миссию. Поэтому Михаил выбрал именно их – проверенных ветеранов первого отделения этого взвода. Да и то верно: огромной толпой тут ничего не добьёшься, так что смысла брать много людей просто нет. Задача, поставленная добровольцам, отношения к непосредственно боевым или спасательным действиям не имеет.

Да, выбранная им команда – старая. Проверенная. Сработавшаяся. Потому что если нет вот этого – чувства локтя и слаженности не то что в действиях, а и даже в мыслях – .. рен бы они чего сделали. Спасли. Или разведали. Или предотвратили.

В таких подразделениях, сколачиваемых буквально годами, и – только из цинично-прагматичных и надёжных ветеранов-контрактников, именно в доверии к друг другу и чётком взаимодействии и заключается секрет «успеха», как его называют тупые журналисты. Кстати, обычно описывающие работу его взвода именно в таких, штампованных, и казённо-помпезных, дежурных выражениях.

Что справедливости таковых выражений и самих критериев отнюдь не убавляет.

Да, их команда, можно сказать, прославилась, когда спасла восемь геологов из лавового котла на Веге-два. Вытащила трёх туристов из Большого разлома на Юдоре-шась. И даже смогла эвакуировать часть поселения Новая Вена на Розвелле-три, когда стометровая волна цунами, вызванная извержением подводного вулкана, чуть на смыла посёлок с побережья, как смыла затем девять десятых того, что находилось на континенте. Они тогда взлетали прямо перед самым гигантским валом, налившимся внутри своей толщи грозной чёрно-фиолетовой мглой – от мути, поднятой со дна шельфа. А брызги гребня даже залетели в не успевший полностью закрыться люк спасательного модуля.

Но здесь – ситуация совсем другая. Поэтому Михаил как бы по-новому, словно отстранившись, смотрел на всех. На Владимира Базарова – вот он сидит, большой и сильный, но так и не нашедший себе к тридцати восьми годам достойной спутницы жизни – «неуживчивый я!», как описывает ситуацию сам Базаров, обычно произносящий не больше десяти слов за день. Ну, это – если к нему не обращаются.

Вот Макс Богарт. В отличии от молчуна Владимира – весельчак и прикольник. Павел отлично помнит, как Богарт разыграл дирекцию зоопарка в НьюМайами, натянув шкуру лем-

манта, встав на передние «лапы», а затем – и на задние, после чего в передних оказался автомат. Игрушечный, как позже выяснили эксперты, но игрушка так напугала всю дирекцию, что обезвреживать «зверя-террориста» примчалось отделение местного спецназа. Которое паршивец Макс не без помощи кое-кого шутя раскидал. Что, как понял позже Михаил, и было основной целью всего этого маскарада – «порезвиться» от души!

А вот и тот паршивец, точнее – паршивка, которая согласилась помочь Богарту, якобы приведя это «совершенно неизвестное» науке животное на поводке в дирекцию зоопарка, чтоб получить за него причитающиеся таким первооткрывателям денежки. А затем и с радостью принявшая участие в драке. Надин Броерсен.

Красавица. Умница. Ей бы ещё и характер поуживчивей. Впрочем, нет: лучше не надо. А то какой-нибудь штатский козёл обзаведётся замечательной женой, а подразделение Синельникова останется без гениального специалиста-взрывника.

Рядом с Надин сидит, словно его в этой жизни ничего не касается, кроме хардрока, звучащего из наушников, Джонни Мауденс. Его Синельников знает со времён учебки. Мауденс шёл на два года позже, и амбициями не страдал. Впрочем, как и излишней инициативой. Но как исполнитель, дотошный и педантичный, он незаменим. Никто, кого Михаил знал, не мог с такой скоростью влезть в даже повреждённый чужой софт, или взломать любой, вплоть до сейфового, замок. Ценнейшее качество для спасателя. И хвала богам, что Джонни попал в руки Армии, а не криминальных авторитетов.

На другой стороне модуля сидят, как обычно рядом, Хорн Ваншайс и Гомес Рюкштуль. Друг с другом не разговаривают, лишь изредка обмениваются взглядами, словно проверяя: «думает ли партнёр о том же, о чём я сам». Взаимопонимание, как часто шутил, а потом уже и не шутил Синельников – на уровне телепатии! Идеальная парочка, если бы Синельникову, скажем, нужно было кого-нибудь убить. Например, губернатора провинции. Или снять. Например, часового. Подкрадутся в темноте, или даже днём настолько тихо, что и кошка не услышит. Для них бесшумно поразить кого-либо метко брошенным ножом даже с двадцати шагов – пара пустяков. А попасть кому-то в глаз из бесшумного спецпистолета с отравленными иглами – так и за сто.

А вот и сержант первого отделения. Люк Солер. Хм-м... Он дольше всех работает в команде Синельникова – поэтому иногда позволяет себе то, чего другие никогда... Например, зная, что начальник любит перед высадкой всех осматривать – подмигнуть ему! Синельников в ответ только поджал губы – не до юмора.

Развалившаяся на противоперегрузочном кресле привольно, словно перед телевизором в кубрике, Айрис Рэнд просто спит.

А ничего – сейчас-то точно проснётся!

Взвыла, сразу стихнув, сирена: пилоты отключили её с борта авианосца.

Посадка модуля на поверхность не предусматривалась. Но по навалившейся пятикратной перегрузке, затем резко спавшей до обычной силы тяжести, и лёгкому раскачиванию, Синельников понял, что они на месте: над точкой высадки. Единственный штатский специалист, которого Штаб определил как «самое ценное ваше оборудование», доктор Лоренцо Рота, поджал губы – словно ему не понравилось, как пилот затормозил модуль: вероятно, излишне резко, на его взгляд. Хотя Синельников знал, что доктору не впервой летать в такие вот миссии – Рота уже работал с ними, примерно год назад, когда на племенных коров на Таллосе-три напал мутировавший местный аналог ящура.

На подволке замигала красная лампочка, и ведущий пилот, повысивший голос почти до крика, очевидно от волнения, сообщил, чуть не оглушив Михаила:

– Внимание, подразделение Дельта-один. Модуль над точкой высадки. Высота два метра. Можете начинать по готовности.

– Я – Дельта-один, вас понял. Начинаем. – Синельников щёлкнул тумблером коммуникатора внутренней связи, – Отделение! Мы на месте. Убрать крепления. Заккрыть шлемы. Проверить оружие. Я открываю тамбур. Порядок высадки – обычный.

Защёлкали закрываемые пластишлемы, и замки страховочных ремней. Базаров, как всегда, встал у кромки люка. Взглянул на Синельникова. Тот сделал жест, и прокомментировал для встроенных в скафандр каждого десантника «чёрных ящиков»:

– Один час двадцать девять минут по общеземному по хронометру модуля. Начинаем высадку согласно стандартной процедуре, – после чего тоже посторонился: подразделение впахнуло тела в тесноту тамбура, прижимаясь к бортам, и ухватившись за рукоятки по его периметру. Капитан втиснулся последним. Выждав три секунды, чтоб внутренний люк закрылся, и услышав соответствующие щелчки, и появление зелёных огоньков на контрольной панели, дёрнул за рукоять ручного управления наружного люка.

С шипением пневмозатворов в сторону съехало примерно шесть квадратных метров пола: в дне модуля открылся люк. В сверкающее дневным солнечным светом отверстие выпрыгнул Базаров. Синельников услышал в интерком, как защёлкал светофильтр скафандра бойца. Ему не нужно было смотреть или что-то приказывать: он и так знал, что внимательный взор профессионала в это время цепко оглядывает периметр.

– Чисто, капитан.

А быстро. Синельников про себя успел отсчитать только девять секунд.

– Понял – чисто. Отделение. Начать высадку.

Айрис и Люк спрыгнули практически до того, как он закончил фразу. Так, Богарт, Брерсен. Ваншайс, Рюкштуль. Отлично. Мауденс и Синельников переглянулись. Дружно, словно репетировали, схватили и опустили за обе руки доктора Роту на поросшую травой почву. После чего передали остальным десантникам громоздкую и весьма тяжёлую конструкцию: полевой лабораторный блок. Спрыгнули и сами.

– Внимание, пилот. Высадка закончена, можете уводить модуль.

То, что освобождённый от людей модуль можно и нужно уводить, пилот знал и видел через наружные камеры этого самого модуля и сам: Синельников усмехнулся про себя: тень брюха модуля, закрывавшая от них солнце, сгнула, превратившись в точку в вышине тёмно-синего неба, быстрее, чем растаял бы снег на сковородке у кока Багдасара Джасоева!

– Отделение. Мне нужен периметр в сто метров.

Куда выдвигаться, и какие позиции кому занимать, никто не спрашивал – бойцы отлично знали куда и кому. Синельников остался с доктором, с явным интересом осматривавшим пологую ложину между двух невысоких холмов, в которую модуль их высадил, и потиравшим поясницу сквозь упругую ткань скафандра.

– Мы на позициях. – голос Люка звучал как всегда спокойно и отменная дикция не позволила бы попенять на неразборчивость даже самой придирчивой аналитической программе связистов, – Периметр чист.

– Отлично, сержант. Оставайтесь пока там. – Синельников, который, собственно, и не рассчитывал, что вирусы построятся в видимые простым глазом колонны, и начнут маршировать в их сторону, повернулся к доктору, – Доктор. Можете приступить.

– Есть приступить, капитан.

Доктор Рота времени на «раскачку» терять не стал. Распаковка чехла, откидывание крышек шкал и пульта управления, и приведение Блока в рабочее состояние заняло у него не больше пятнадцати секунд: словно перед Синельниковым не профессионал, пусть и высочайшей категории, но – всего лишь штатский, а обычный десантник. Впрочем, в офицерском спортзале Синельников доктора иногда встречал. И отлично знал, что в чём-чём, а физподготовке тот его бойцам если и уступит – то самую малость.

Вероятно, желание Роты поддерживать отличную спортивную форму связано со стремлением пожить подольше. Да и перед полевыми бойцами, совместно с которыми он обычно и работает, лицом в грязь не ударить.

Не-ет, «лабораторной крысой», или «яйцеголовым» и «белохалатником» доктора уж точно никто бы не назвал. Чёрный пояс по каратэ!

Двухсоткилограммовый прибор загудел – пошёл забор воздуха в приёмник. Не прошло и минуты, как доктор, до этого хмуро и сосредоточенно рассматривавший экраны, и странные картины и диаграммы, мелькавшие на них, кинул взгляд на Синельникова:

– Капитан. Вы не хотели бы взглянуть?

Синельников, на всякий случай ещё раз быстро оглядевшись, обошёл слабо гудящий агрегат. Доктор указал на один из экранов:

– Анализатор показывает, что вирусов Чегастер-лихорадки нет.

– Странно. Но... Разве вы не будете проводить обследование с микроскопом?

– Уже. Всё сделано. Пусть эта дрянь и стоит чёртову кучу бабла, но это – данные как раз с микроскопа. Электронного.

– И... Что это значит?

– То, что это значит, вам может не понравиться. Во-первых, это говорит о том, что за пять месяцев, пока шли приготовления, и пока «Эйзенхауэр» добирался сюда, вирус таинственным образом исчез. А во-вторых, и это само по себе тоже кое-что значит, становится ясно, что вирус либо вымер, не найдя подходящего носителя, либо был изначально именно так и спроектирован и запрограммирован: исчезнуть, выполнив свою задачу, и не оставив нам материала для детального анализа. Или разработки вакцины.

– Хм. Мне так кажется, что гипотеза об интеллектуальном и техническом превосходстве вероятного противника подтверждается. Ловко он нас!

– Вот именно, капитан. Вы очень чётко эту мысль сформулировали.

– Так – что? Получается, вся наша миссия – коту под хвост?

– Не обязательно. Мы ведь ещё не произвели обследования фермы. И здания Администрации. Быть может, в телах... Простите – в останках пострадавших сохранятся хоть какие-то улики.

– Хорошо. – Синельников понимал, разумеется, что это совсем не хорошо, и что враг вероятней всего опять оставил их с носом, но другого варианта как педантично и скрупулёзно исследовать все доступные улики, у них просто нет, – Здесь вы закончили?

– Да, капитан. *Здесь* я закончил.

– Внимание, отделение. Базаров, Богарт – сюда. Понесёте агрегат. Рэнд, Броерсен – выдвигайтесь вперёд, к ферме. Остальные – прикрытие.

Глядеть как двое крепышей – один повыше, другой пониже, без особых проблем несут за очень удобно расположенные по окружности полупортативного агрегата ручки, было приятно. Не зря люди получают спецзарплату – даже не пыhtят. Остальных Синельников не видел, но отлично знал, что на расстоянии ста метров – по бокам и сзади, и трёхста – впереди, движется надёжный эскорт, авангард, и арьергард. Охраняющий сейчас в основном не его – командира, и даже не доктора. А именно – дороженный и существующий буквально в штучном исполнении универсальный анализатор. От которого и зависит исход их миссии.

То есть – будет ли с неё толк... Или их начисто переиграли. Оставив в дураках.

До фермы самого первого пострадавшего, Питера Мак Кейси, дошли за полчаса – их и высадили с таким расчётом, за три километра от построек. Надин и Айрис, первыми обследовавшие хозяйственные строения и жильё, уже заняли позиции. Расположились удобно: одна – на крыше того самого сарая, другая – дома. То, что периметр чист, лейтенант понял и без рапорта.

– Насколько я помню, тело Питера Мак Кейси должно быть внутри, – Синельников стоял у запертой снаружи двери сарая, – А тела доктора Зигманна и остальных членов семьи – в доме. С кого хотите начать, доктор?

– Если можно, всё же с самого первого пострадавшего.

– Хорошо. – Синельников подумал, что снова брякнул глупость: ничего хорошего в этом, разумеется, нет, – Мауденс, Рюкштуль. Внутрь.

Говорить больше ничего не пришлось, бойцы взяли оружие наизготовку. Хотя лейтенант и не представлял, в кого они собирались стрелять, но промолчал: пусть профи действуют так, как их заставляет боевой навык, отработанный в сотнях тренировок и десятках миссий, и инстинкт. Бойцы откинули задвижку, распахнули дверь. Убедившись, что никто их не встречает, вошли в помещение.

– Чисто, лейтенант. Труп... На месте.

– Оставайтесь у входа. Базаров, Богарт. Внесите анализатор, поставьте у тела.

Войдя, лейтенант понял, почему Гомес Рюкштуль поколебался, прежде чем сообщить, что труп – на месте. Потому что от тела мало что осталось: только скелет, и фрагменты кожи и одежды. Всё остальное превратилось в иссохшую полумумию, у которой частично отсутствовал и кожный покров. Зрелище не для слабонервных.

Впрочем, в их команде таких и не имелось.

Синельников порадовался, что фермер построил и защитил сарай капитально: никакие крысо-мышы или другие мелкие падальщики, упорно презирающие тот факт, что мясо чуждой расы может быть для них опасно, и ловили любой момент, чтоб обглодать, к примеру, павшую корову, или овцу, сюда проникнуть не смогли.

А то им нечего было бы и исследовать...

– Рядовой Базаров. Не могли бы вы чуть посторониться. – доктор протиснулся к телу фермера мимо отошедшего здоровяка, и присел на корточки. Манипуляции с пинцетом и чем-то вроде хромированных плоскогубцев завершились тем, что одно из рёбер трупа оказалось у доктора в кювете. После чего он вытряхнул содержимое прозрачной ёмкости в раструб прибора, и снова щёлкнул несколькими тумблерами на панели управления.

На этот раз Синельников стоял так, чтоб показания на экранах вновь загудевшего прибора видеть сразу. Ждать пришлось недолго: через минуту появилось то же сообщение, что и в первый раз: патогенных организмов – море, вируса лихорадки Чегастер-пять – не обнаружено.

– Плохо. Я отломил самый, если можно так выразиться, неразложившийся кусочек. А ничего нет. – доктор извлёк образец из приёмника прибора, и аккуратно положил почти туда, откуда вытащил его. Синельников внутренне содрогнулся, – Идёмте теперь в дом.

Трупы доктора, пилота коптера, жены фермера и мальчика находились в спальне. Лежали там прямо на полу, на спине. Так, словно люди понимали, что надежды нет, и помощи тоже ждать неоткуда. На груди женщины лежал и скелет младенца. Руки, вернее, фаланги полуразвалившихся пальцев матери цепко охватывали то, что когда-то было крохотным тельцем.

Доктор потупился, и из его скафандра донеслись подозрительные звуки. Но Рота быстро взял себя в руки: голос почти не дрожал:

– Ставьте прибор сюда.

Базаров и Богарт опустили агрегат в угол, на который доктор указал.

На этот раз доктор воспользовался кусочком ребра коллеги – доктора Зигманна.

Показания прибора не изменились.

В голосе Рота звучало нескрываемое разочарование:

– Всё плохо. Похоже, чёртовы вирусы действительно самоуничтожились.

– Так что, доктор? У нас нет шансов всё-таки найти – хоть что-то?

– Ну... Не знаю – может быть, удастся выявить хоть какие-то следы того, что тела людей успели выработать в процессе естественной, так сказать, сопротивляемости организма. То есть – антитела. Только...

Вряд ли за столь короткий инкубационный период это было возможно. На то, чтоб побороть даже банальный грипп, уходит около недели.

– А что показывает прибор?

– Что антител тоже не обнаружено.

– А вообще мы можем надеяться найти хоть что-то?

– Ну... Теоретически возможно было бы обнаружить сам вирус, если бы хотя бы одно из тел убитых людей оказалось, скажем, заморожено. Тогда и поражённое тело и то, что вызвало поражение, оказалось бы намертво зафиксированным в... э-э... буквальном смысле. И у нас мог бы появиться материал. Если только разработчики этого вируса не предусмотрели и такую возможность.

– Понятно. Тогда предлагаю не останавливаться на ферме Сайлема Куртни, как собирались, а сразу перелететь в Административный блок. Там имеются общие холодильники с резервным запасом мяса и рыбы. А питание электричеством осуществляется от портативного реактора и ветрогенератора. Думаю, холодильники ещё работают.

На этот раз дистанционно управляемый модуль произвёл полную посадку – Синельников считал, что подпрыгивать, и забрасывать в тамбур анализатор смысла особого нет, поскольку на почве, в воздухе, да и вообще – нигде, нет и супер-вирусов. Правда, сел модуль в ста шагах от фермы – ближе подлетать запретил руководящий миссией с авианосца майор Альфред Вэйзи, посчитав, что как бы там ни сложилось, а поднимать тучи пыли из свежевспаханной, и всё ещё черневшей огромной проплешиной, целины у дома, ни к чему.

Загрузились в тамбур штатно. Полёт до Административного блока занял не более пяти минут – фермы первопоселенцев, размещённые почти по правильному кругу, располагались действительно не дальше чем в пятидесяти милях от монументального здания. Да и правильно: ведь именно туда предстояло в первые годы свозить и выращенное зерно, и доставлять полученное из привезённой, размножившейся и подросшей скотины, мясо. Для которого, собственно, и предназначались промышленные холодильники.

Двери в здание оказались закрыты и заперты. Но электронный блок замка работал, электричество имелось, и открыли массивную конструкцию легко.

Трупы лежали здесь везде. Из-за того, что кто-то не смог или не захотел закрыть окна и крышу ангара, тела, пол, все приборы и оборудование покрывал толстый слой ржаво-бурой пыли, у зияющего густо-голубым небом квадратного проёма купола ангара размытой прошедшими дождями в неопрятное хлюпающее пятно. Почти все умершие лежали на спине, кожа лиц, где она сохранилась, запечатлела гримасы страдания – смерть, несомненно, оказалась болезненной. Это если сказать мягко. А жёстко Синельников произносить не стал – это сделал за него доктор.

– Подтверждаются слова Зигманна. Боль, похоже, была нестерпимая.

На осмотр ушло не более получаса: выживших не оказалось. Как и вирусов.

Однако их команда нашла свидетельства того, что некоторые служащие пытались как-то «подсластить» или хотя бы облегчить неизбежную мучительную смерть: в руках у трёх скелетов были зажаты полупустые бутылки – виски, водки и рома. Больше ничего необычного в глаза Синельникову не бросилось, и придирчивый осмотр трёхэтажного здания, в плане напоминавшего обычную коробку из-под обуви, не дал практически ничего нового: вирусов не обнаружилось ни в одной из трёх отобранных доктором «перспективных» проб.

– Ладно. Вернёмся к первоначальному плану. Холодильники должны располагаться в подвале. Зайдём с тыльной стороны здания.

В подвал спустились по пандусу, который был приготовлен явно для заезда внутрь, и выезда, для загрузки уже в межзвёздный транспортник, машин с продукцией: высота ворот позволила бы легко проехать самому большому тягачу-трейлеру.

Разумеется, эти ворота оказались тоже заперты.

– Мауденс.

– Есть, капитан. – капитану даже не пришлось ничего объяснять капралу, поскольку тот уже снова стоял у коробки с панелью управлением дверью. Но делать ничего не пришлось – только нажать зелёную кнопку «пуск».

Когда проход расширился до двух метров, Синельников сказал:

– Достаточно. Агрегат пролезет, а холод выпустить незачем.

Внутри вошли как обычно: Надин и Айрис впереди, остальные – за ними. Тамбур подвала оказался как раз под размер трейлера: узкий, только-только вместить грузовик стандартной ширины, не слишком высокий, но длинный. Мауденс закрыл входные двери, открыл внутренние.

Подвал поразил Синельникова: такой образцовый порядок на полках, стеллажах, и в штабелях он видал только на большом складе оружия в Арсенале. Да, насколько он помнил, начальник, Элмер Даффи – сам из бывших армейских. Ну и правильно: после отставки куда же ещё, как не в колониальную Администрацию идти здоровому и крепкому сорокалетнему мужику, отлично усвоившему методику управления людьми?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.